

~~1781~~
~~14~~

Гос. Изъ книгъ
ЗАСЛУЖЕННАГО ПРОФЕССОРА
ПРОТОІЕРЕЯ
Д. О. КАСИЦЫНА.
Субботи Нич. 16.

20 $\frac{42}{53}$ № 5041.

801-14
1632

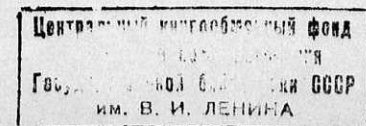
ОБЪ ИСПОВѢДИ
БѢГЛАГО ГРЕЧЕСКАГО МИТРОПОЛИТА АМВРОСІЯ
ПРЕДЪ БѢГЛЫМЪ РАСКОЛЬНИЧЕСКИМЪ ПОПОМЪ—ІЕРОНИМОМЪ. (Розановымъ)

I.

Въ послѣдніа десять или пятнадцать лѣтъ у старо-
обрядцевъ австрійскаго согласія примѣчается, какъ из-
вѣстно, усиленная литературная дѣятельность, — издано
весьма много сочиненій въ защиту раскола, а вмѣстѣ,
разумѣется, и даже по преимуществу, въ обвиненіе право-
славной церкви за ея отношеніе къ расколу. Всѣ эти со-
чиненія отличаются, къ сожалѣнію, крайнимъ озлобленіемъ
противъ церкви, наполнены бравью и клеветами на нее.
Ихъ составленіемъ, изданіемъ и распространеніемъ зани-
мается цѣлое общество раскольническихъ «литераторовъ»,
воспитавшихся въ школѣ извѣстнаго лжеучителя расколь-
никовъ, ихъ именуемаго епископа, Арсенія (въ мѣрѣ Они-
симъ) Швецова.

Въ прошломъ 1900-мъ году тѣмъ же, очевидно, обще-
ствомъ раскольническихъ «литераторовъ» предпринято пе-
чатаніе, въ какой-то (будто бы) Черновицкой типографіи,
едва ли не цѣлой серіи маленькихъ брошюръ въ защиту
австрійскаго раскола. Одна изъ нихъ, которую мы намѣ-
рены рассмотреть, имѣетъ такое заглавіе.

*Объ исповѣди преосвященнаго Амвросія митрополита
Бьлокриницкаго. Черновцы.*

А тамъ, гдѣ у насъ на книгахъ ставится цензурное одобреніе, читаемъ:

Напечатано съ разрѣшенія автора. 1 апрѣля 1900 года.
Издатель.

Дѣйствительно ли въ Черновцахъ напечатана брошюрка и кто этотъ авторъ, разрѣшившій ея печатаніе, равно какъ издатель, воспользовавшійся такимъ милостивымъ разрѣшеніемъ, и именно 1-го апрѣля, мы не станемъ доискиваться, хотя узнать автора вовсе не трудно по его довольно знакомымъ намъ литературнымъ приемамъ.

Разсмотримъ самую брошюрку.

Она главнымъ образомъ направлена противъ сказаннаго въ моей «Исторіи Бѣлориницкаго священства» о исповѣди Амвросія. Я спрашивалъ: «какъ могъ Амвросій, совсѣмъ не зная русскаго языка, исповѣдываться у Иеронима, ни слова не знавшаго по-гречески,—какая могла быть исповѣдь между двумя лицами, не понимавшими другъ друга?» и привелъ отвѣтъ, нарочно написанный для меня однимъ изъ ближайшихъ участниковъ всего происходившаго тогда въ Бѣлой Кривицѣ, бывшимъ намѣстникомъ Бѣлориницкой митрополіи, отцемъ Онуфріемъ: «завторились они оба въ алтарь на нѣсколько минутъ, уповательно, посмотрѣли другъ на друга,—тѣмъ и исповѣдь кончилась» (стр. 483, къ изд. 1874 г.).

Указавши на эту страницу моей Исторіи «авторъ» брошюрки старается напротивъ доказать, что Амвросій и Иеронимъ могли понимать другъ друга за исповѣдью, ибо де первый изъ нихъ «если не зналъ въ совершенствѣ русскаго языка, то могъ знать хорошо славянскій языкъ», разумѣется, знакомый Иерониму, и въ доказательство этого говорить объ Амвросіи:

«Онъ былъ шесть лѣтъ (съ 1835 по 1841 г.) митрополитомъ Босніи (Ист. Бѣлокр. іерархіи, Субботина, стр. 364, 369). А въ Босніи живутъ исключительно славяне, такъ называемые босняки. Говорятъ и служатъ они, конечно, на своемъ славянскомъ языкѣ. И Амвросій, въ те-

ченіе шести лѣтъ, какъ ихъ митрополитъ, имѣлъ съ ними постоянныя живыя сношенія, разговаривалъ, совершалъ богослуженія, исповѣдывалъ и самъ исповѣдывался¹⁾ у тамошнихъ духовныхъ лицъ, конечно, на ихъ славянскомъ языкѣ. А при такихъ условіяхъ онъ могъ изучитъ и знать славянскій языкъ».

Сочинитель брошюрки забылъ одно, что Амвросій былъ изъ числа архіереевъ—фанариотовъ (хотя, по свидѣтельству Стаки Скендеровой, и лучшей изъ нихъ), которые, управляя славянскими епархіями, вовсе не заботились знать языкъ своей паствы, — «говорили» и «совершали богослуженія» по-гречески, «исповѣдывались» у своихъ, греческихъ, священниковъ, а сами исповѣдью босняковъ совсѣмъ не занимались. Итакъ, и при возможности изучитъ и знать славянскій языкъ архіереи-фанариоты, управлявшіе славянскими епархіями въ турецкихъ владѣніяхъ, обыкновенно не изучали и не знали его.

Былъ ли Амвросій и въ этомъ отношеніи исключеніемъ изъ прочихъ архіереевъ-фанариотовъ? Имѣя возможность изучитъ славянскій языкъ, изучилъ ли и зналъ ли? Сочинитель брошюрки рѣшительно утверждаетъ:

«Да, не только могъ знать, но и дѣйствительно *зналъ* его, притомъ настолько хорошо, что жители Босніи, гдѣ онъ былъ митрополитомъ, не признавали его даже за грека, а считали природнымъ славяниномъ, и именно болгаринимъ (Ист. Бѣлокр. іер. стр. 365). Какъ бы его могли считать природнымъ славяниномъ, если бы онъ ни слова не зналъ по славянски? Если же его считали славяниномъ и притомъ природнымъ, то явно, что онъ зналъ славянскій языкъ».

Постоянно ссылаясь на мою «Исторію Бѣлориницкой Іерархіи», сочинитель брошюрки при этомъ постоянно же искажаетъ или намѣренно сокращаетъ сказанное въ ней. Въ «Исторіи» сказано: «Амвросій явился исключеніемъ

¹⁾ Курсивы въездъ наши.

изъ боснійскихъ владыкъ-фанариотовъ. Человѣкъ отъ природы добрый, онъ не могъ равнодушно смотрѣть на бѣдственное положеніе народа,—сталъ на его сторону и по возможности старался облегчать его нужды. *Это было такимъ необыкновеннымъ явленіемъ, такъ противорѣчило издавна сложившемуся народному понятію о греческихъ архіереяхъ*, что народъ даже не признавалъ Амвросія за грека: утвердился *слухъ*, что онъ природный славянинъ, и именно болгаринъ». Итакъ, у меня сказано, что Амвросія простой народъ въ Босніи сталъ считать за славянина потому, что своими благожелательными отношеніями къ этому народу онъ рѣзко отличался отъ всѣхъ бывшихъ тамъ греческихъ архіереевъ-фанариотовъ, совсѣмъ не походилъ на нихъ въ этомъ отношеніи, а вовсе не потому, что будто бы онъ «зналъ славянскій языкъ» и говорилъ на немъ. Принявъ за основаніе своего доказательства мои слова, сочинитель брошюрки долженъ бы и принять ихъ въ томъ смыслѣ, какъ они сказаны, а не придавать имъ другого, ему самому угоднаго, смысла. Онъ долженъ знать, что этотъ послѣдній приемъ совсѣмъ не дозволителенъ въ честной полемикѣ.

Но вотъ, повидимому, прямое и рѣшительное, по крайней мѣрѣ въ глазахъ автора брошюрки, доказательство, что Амвросій зналъ и говорилъ по-славянски:

«Инокъ Павелъ, знавшій Амвросія ближе всѣхъ, свидѣтельствуетъ, что Амвросій «имѣлъ способность *говорить по-славянски*» (Матер. для ист. Бѣлокр. іер. изд. 1899 г., стр. 180).

Опять выписка изъ моего изданія, и опять намѣренно не полная и не вѣрная. Приведенныя слова инока Павла взяты изъ его «Соборнаго Дѣянія» о принятіи Амвросія въ расколъ. «Дѣяніе» это было написано Павломъ для россійскихъ старообрядцевъ, и весьма дипломатически, съ тщательнымъ устраниемъ всего, что могло бы подать россійскимъ старообрядцамъ сомнѣніе относительно принятаго въ расколъ греческаго митрополита, къ которому

большинство ихъ относилось крайне подозрительно ¹⁾. Такого именно характера и то мѣсто въ «Дѣяніи», откуда авторъ брошюрки извлекъ всего *четыре*, нужныя ему, слова. Вотъ что именно говорится здѣсь:

«Облачившись во вся святительская облаченія, вышелъ (Амвросій) изъ алтаря, ставъ на амвонѣ, гдѣ приготовлены два наоя рядомъ: на первомъ для митрополита положенъ *стисанный чинъ проклятія ересей, съ переводомъ на греческія литеры, а выговоръ словъ по-русски*, точно такъ, какъ напечатано въ нашемъ Потребникѣ. Митрополитъ, стоя предъ царскими дверми, началъ велегласно *русскимъ языкомъ* проклинать всѣ ереси, поелику онъ имѣетъ способность *говорить по-славянски и кромѣ греческихъ литеръ*» (стр. 179—180).

Немного нужно вниманія, чтобы видѣть запутанность и противорѣчивость въ этомъ, для успокоенія россійскихъ старообрядцевъ составленномъ, сказаніи Павла о томъ, какъ Амвросій торжественно «проклиналъ всѣ ереси», въ томъ числѣ и мнимую раскольниками греко-россійскую. Для чего было «русскія» слова «переводить на греческія литеры», т.-е. переписывать греческими буквами, когда Амвросій «имѣлъ способность говорить по-славянски *и кромѣ греческихъ литеръ?*» И что значить: «говорить по-славянски кромѣ греческихъ литеръ?» Если Амвросій имѣлъ какую-то «способность говорить по-славянски кромѣ греческихъ литеръ», то почему не имѣлъ способности читать по-славянски кромѣ греческихъ литеръ ²⁾? Это переписыва-

¹⁾ «Дѣяніе» напечатано вполне въ „Матеріалахъ“, на которые сослался сочинитель брошюрки; а подробное изложеніе его съ критическими замѣчаніями, въ которыхъ указано, что въ немъ представляется очевидно несправедливымъ, сдѣлано въ „Ист. Бѣлокр. іер.“ (стр. 481—485). Поэтому-то авторъ брошюрки и сослался на сей разъ не на „Исторію“, а на „Матеріалы“.

²⁾ Этой способности Амвросій не приобрѣлъ и впоследствии. На тѣ немногіе случаи, когда ему приходилось служить литургію, всѣ велухъ произносимые возгласы были также написаны для него по-славянски

ваніе русских словъ греческими литерами, напротивъ, именно показываетъ, что русской или славянской грамоты онъ не зналъ и говорить по-русски или по-славянски не могъ. Вообще, все это мѣсто въ Павловомъ «Дѣянїи» откуда авторъ брошюрки выдернулъ слова: «имѣлъ способность говорить по-славянски», откинувъ даже и слѣдующія, непосредственно съ ними связанныя слова: «и кромѣ греческихъ литеръ», — все это мѣсто оказывается неудобопонятнымъ и противорѣчивымъ, а тѣмъ самымъ внушается сомнѣніе и относительно правдивости здѣсь сказаннаго.

Видно понималъ это и самъ авторъ брошюрки, потому и выдернулъ изъ всей запутанной рѣчи своего авторитетнаго свидѣтеля—инока Павла лишь четыре нужныя ему слова. Кто вздумаетъ прочесть на указанной авторомъ страницѣ «Матеріаловъ» подлинную рѣчь Павла, тотъ конечно обличитъ автора брошюрки въ лукавствѣ, недозволительномъ при честномъ веденїи полемики; но вѣдь такихъ любопытствующихъ немного найдется, да едва ли и найдутся они въ ряду тѣхъ читателей, для которыхъ писать и печатаетъ свои брошюрки авторъ. Напротивъ, онъ отлично знаетъ, что эти читатели повѣрятъ на слово, безъ всякихъ справокъ и повѣрокъ, всему, что онъ ни скажетъ: поэтому и пробѣгаетъ, ни мало не стѣняясь, ко всякимъ недозволительнымъ уловкамъ, лишь бы доказать то, что ему желательно доказать. Это общая черта всѣхъ писавій нынѣшнихъ раскольническихъ литераторовъ Швецовской школы.

Наконецъ приводится въ брошюркѣ и еще одно доказательство, что Амвросїи, «когда исповѣдывался, могъ уже знать и русский языкъ, если не въ совершенствѣ, то въ нѣкоторой степени»:

«Онъ въ теченіе *восьми мѣсяцевъ* (съ конца марта по

греческими литерами и вложены, гдѣ нужно, въ греческій Служебникъ, по которому онъ читалъ всѣ молитвы.

27 октября) предъ присоединенїемъ къ старообрядческой церкви былъ почти постоянно съ Павломъ и Алимпїемъ, при которыхъ находился переводчикъ Огняновичъ (Ист. Вѣлокр. іер., стр. 417, 418), и конечно могъ отъ нихъ научиться хотя немного понимать русскій языкъ. А это много способствовало совершенїю надъ нимъ таинства исповѣди».

Прежде всего нужно напомнить автору брошюрки, что предъ знакомствомъ съ Павломъ и Алимпїемъ Амвросїи, удаленный съ Босносараевской епархіи, пять лѣтъ (1841—1846) безвыходно прожилъ въ Константинополѣ среди грековъ и турокъ: значить, и въ томъ случаѣ, если бы Амвросїи сколько-нибудь научился славянской рѣчи въ своей славянской епархіи, совсѣмъ забылъ бы ее, поселившись снова въ Константинополѣ и цѣлыя пять лѣтъ имѣя здѣсь сношенія съ одними греками и турками. И говорилъ онъ, дѣйствительно, лишь по-гречески и по-турецки.

«Постоянное почти» пребываніе инока Павла съ Амвросїемъ (объ Алимпїи нечего было и упоминать, — онъ находился большею частію въ разъѣздахъ) началось не съ половины марта, а съ конца мая, когда онъ посадилъ переряженнаго въ казацкїй балахонъ митрополита Амвросїа на пароходъ и поплылъ съ нимъ въ Вѣну, гдѣ потомъ и прожилъ съ нимъ до октября: значить это пребываніе продолжалось не восемь мѣсяцевъ, а лишь четыре съ небольшимъ. До отъѣзда же изъ Константинополя и особенно до подписанія контракта (15 апр.), то-есть въ то время, когда еще торговались, за сколько Амвросїи согласится перейти въ расколъ, или, по характерному выраженію самого Павла, во время «сватовства»¹⁾, Павелъ имѣлъ только рѣдкія и весьма секретныя свиданія съ Амвросїемъ, причемъ объяснялся съ нимъ чрезъ посредство нарочно нанятаго для сей цѣли переводчика, упомянутаго авторомъ брошюрки Огняновича, который передавалъ Амвросїю его

¹⁾ *Перетиска раск. дѣятелей.* Вып. 1, стр. 69.

рѣчи на новогреческомъ, а больше на турецкомъ языкѣ. Во время путешествія до Вѣны и въ Вѣнѣ Амвросій имѣлъ сношенія и объясненія съ Павломъ опять при посредствѣ того же переводчика. Вообще, трудно допустить, чтобы могъ онъ въ это время «научиться» у Павла и Огняновича «хотя и немного понимать русскій языкъ».

II.

Достойные довѣрія свидѣтели и говорятъ дѣйствительно, что, прїѣхавъ въ Бѣлую-Креницу, Амвросій не понималъ ни русской, ни церковно-славянской рѣчи.

Такъ В. В. Борисовъ, посѣтившій Бѣлую-Креницу весной 1847 г. въ качествѣ посла отъ московскихъ старообрядцевъ для присутствованія на происходившемъ тамъ муровареніи, пишетъ, что инокъ Павелъ не скоро согласился представить его Амвросію, и именно потому, что новоприобрѣтенный старообрядческой владыка не могъ объясняться по-русски съ представителемъ московскаго старообрядческаго общества, а посредство переводчика и новогреческая или турецкая рѣчь Амвросія должны были прозвучать на него непріятное впечатлѣніе, о чемъ онъ не удержался бы сообщить и въ Москвѣ. Однакоже нельзя было совсѣмъ отказать почетному московскому гостю въ свиданіи съ Амвросіемъ, — и вотъ что говоритъ В. В. Борисовъ объ этомъ свиданіи:

«Послѣ обѣдни (въ Вербное воскресенье) я пошелъ съ отцомъ Павломъ представиться митрополиту. При нашей аудіенціи присутствовалъ, въ качествѣ переводчика, Константинъ Еюимовъ Огняновичъ (съ Амвросіемъ онъ объяснялся не по-гречески, а по-турецки)... Бесѣда наша съ митрополитомъ была очень краткая; распространяться было не о чемъ; да и какъ-то неловко было объясняться, — по-русски онъ не понималъ ни слова».

И по поводу славянскихъ возгласовъ, написанныхъ для Амвросія греческими литератами, В. В. Борисовъ говоритъ:

«По-славянски, точно также какъ и по-русски, Амвросій совсѣмъ не зналъ и не понималъ ничего: по этой причинѣ и къ службамъ, за исключеніемъ самыхъ большихъ праздниковъ, не ходилъ никогда. По крайней мѣрѣ, когда я выразилъ удивленіе, почему митрополитъ никогда не ходитъ въ церковь, отецъ Павелъ представилъ мнѣ въ объясненіе эту именно причину: «что ему ходить-то? *вѣдь онъ по-славянски ничего не понимаетъ*»¹⁾.

И до конца жизни Амвросій не научился, хотя бы въ угоду старообрядцамъ, даже свое имя подписать по-русски. Всѣ его письма въ Бѣлую-Креницу, обыкновенно благодарственные за присылку условленныхъ по контракту 500 червонцевъ, писанныя его сыномъ, имѣютъ такую подпись: *Αμβρόσιος Μητροπολίτης*²⁾. И это понятно. Кромѣ того, что ему, какъ старому человѣку, было весьма трудно научиться русскому языку, онъ не имѣлъ и желанія или охоты узнать его, вслѣдствіе отвращенія къ липованамъ и «липованской ереси», которое овладѣло имъ, какъ только онъ увидѣлъ, что Павелъ жестоко обманулъ его, заставивъ, противъ его ожиданія, подвергнуться позорному чинопріятію и проклинать какія-то ереси, будто бы содержащія грекороссійскую церковію, — отвращенія этого онъ не скрывалъ даже и тогда, когда еще жилъ въ Бѣлой-Креницѣ.

Сынъ Амвросія, какъ молодой человѣкъ, живя съ нимъ

¹⁾ Описанная В. В. Борисовымъ его „Поѣздка въ Бѣлокреницкій монастырь“, съ моимъ предисловіемъ, была напечатана въ 3-й книжкѣ *Русскаго Вѣстника* за 1864 годъ. Въ отд. изданіи см. стр. 27 и 31.

²⁾ Эти письма Амвросія напечатаны въ „Перепискѣ раскольниковъ дѣятелей“ (Вып. 1, стр. 178 и слѣд.). Любопытно, что тѣ письма Амвросія, которыя вошли въ разные раскольниковскіе сборники, имѣютъ не греческую надпись его, а русскую, тогда какъ всѣ *подлинныя*, находящіяся въ „Бѣлокреницкомъ архивѣ“, напротивъ, надписаны по-гречески. Ясно, что Павелъ, сообщавшій копию нѣкоторыхъ амвросіевыхъ писемъ старообрядцамъ, находилъ неудобнымъ даже и то, чтобы они знали, что Амвросій подписывалъ свое имя по-гречески.

въ Сараевѣ и женившись тамъ на сербянкѣ, потомъ замѣнявшій отца въ сношеніяхъ съ бѣлокриницкими дѣятелими, умѣлъ объясняться и писать на ломаномъ, весьма куріозномъ русско-славянскомъ языкѣ, какъ показываютъ собственноручныя его письма. Въ шестидесятихъ годахъ, по смерти отца, когда онъ выступилъ обличителемъ «липованской ереси» и произнесъ «клятву и анафему на два паскудна особа—Кириллу и Алимпію» за отказъ — уплачивать ему отцовское жалованье, онъ пріѣзжалъ въ Москву, жаловаться на нихъ здѣшнимъ старообрядцамъ: тогда я лично видѣлся съ нимъ и убѣдился, что онъ могъ, хотя и съ большимъ трудомъ, объясняться по-русски ¹⁾. Отецъ же его, повторяю, ни русскаго, ни славянскаго языка не зналъ и, пріѣхавъ въ Бѣлую-Кривицу, не могъ во время исповѣди объясняться на нихъ съ Іеронимомъ.

III.

Послѣ тщетныхъ попытокъ доказать, что Амвросій могъ объясняться по-русски или по-славянски, сочинитель бро-

¹⁾ Чтобы дать читателямъ понятіе объ его славяно-русской рѣчи, достаточно привести одинъ отрывокъ изъ его письма къ Кириллу и Алимпію отъ 8 декабря 1864 года: „Понеже вы препятствуете, чтобы православныхъ христіанъ послѣ смерти моего родителя дали намъ 500 червонца, еже годная наша жалованья, за которая мой родитель освятилъ вамъ и очистилъ вамъ отъ оной оригинальной клятвы, которою липованскій народъ имѣлъ въ себѣ отъ старыхъ временахъ: за то я симъ писаніемъ проклиная васъ... Во-первыхъ, проклиная и анаематизо Кирилу, чтобы его душу послѣ его смерти взялъ сатана и велзевулъ и вынесли во дно адаво, и чтобы никогда Божія лица не видалъ, и чтобы его тѣло перастопленъ осталъ послѣ его издыханіе и на смертный свой часъ кричалъ какъ собака... Теперь перевернимъ свою клятву и анаемема на дерзновеннаго и лживаго Алимпія, который не вѣруетъ ни на Бога, ни на святыхъ, ни на синоды, но самъ основаніе имѣетъ на свою проклятую ересь и суевѣріе. Его проклята душа послѣ его смерть дѣаводи будутъ привезитъ въ геенну и тамъ буде безпрестанно горить“... *Перепис. раск. дѣят.*, вып. 1, стр. 238—239.

шюрки старается опровергнуть два «возраженія» противъ этого, будто бы «обыкновенно выставляемыя» миссіонерами. Первое возраженіе онъ излагаетъ такъ:

«Съ иноками Павломъ и Алимпіемъ былъ переводчикъ Константинъ Огняновичъ, посредствомъ котораго и велись переговоры о вѣрѣ съ митрополитомъ Амвросіемъ. Если бы, говорятъ, Амвросій зналъ славянскій языкъ, то не было бы надобности въ переводчикѣ».

Огвѣтъ сочинителя брошюрки на это возраженіе наивенъ до куріозности. Онъ говоритъ:

«Но это обстоятельство, что иноки Павелъ и Алимпій вели переговоры о вѣрѣ съ митрополитомъ Амвросіемъ посредствомъ сказаннаго переводчика *очевиднѣйшимъ образомъ* и доказываетъ, что Амвросій зналъ славянскій языкъ. Ибо переводчикъ Огняновичъ былъ родомъ сербъ (Ист. Бѣлокр. іер., стр. 358) и кромѣ греческаго и русскаго языковъ зналъ, разумѣется, славянскій. Для чего бы, спрашивается, Павлу и Алимпію выбирать переводчикомъ именно славянина, если бы Амвросій не зналъ славянскаго языка? Взявъ переводчика славянина для переговоровъ съ митрополитомъ Амвросіемъ, они этимъ самымъ засвидѣтельствовали, что Амвросій зналъ славянскій языкъ».

Дѣло, казалось бы, такъ ясно и просто. Павлу и Алимпію нуженъ былъ человѣкъ, который могъ бы переводить для нихъ по русски то, что будутъ говорить на непонятномъ для нихъ языкѣ тѣ изъ греческихъ безмѣстныхъ архіереевъ, проживавшіе въ Константинополѣ, которыхъ намѣревались они соблазнить къ переходу въ расколъ, а этимъ архіереемъ могъ бы переводить на новогреческій языкъ то, что сами будутъ говорить имъ на непонятномъ для нихъ русскомъ языкѣ. Какъ такой именно человѣкъ, имъ рекомендованъ былъ и нанятъ ими въ переводчики Огняновичъ, умѣвшій говорить на разныхъ языкахъ, въ томъ числѣ на новогреческомъ, турецкомъ и русскомъ. При его посредствѣ инокъ Павелъ и велъ сначала неудачные переговоры съ однимъ изъ греческихъ архіереевъ,

который, узнавъ въ чемъ дѣло, безъ церемоніи выгналъ его; а потомъ при его же посредствѣ вступилъ въ сношенія съ Амвросіемъ, кончившіяся такимъ вождедѣннымъ для него успѣхомъ. Какъ первому греческому архіерею, такъ и Амвросію Огняновичъ передавалъ Павловы рѣчи, разумѣется, на греческомъ или на турецкомъ языкѣ, который также въ употребленіи у живущихъ въ Турціи грековъ. Чего проще и понятнѣе?

И однако сочинитель брошюрки не хочетъ согласиться съ такимъ яснымъ, но неудобнымъ для него взглядомъ на дѣло. Онъ придумалъ совершенную нелѣпость и хочетъ увѣрить читателей, что будто бы Огняновича Павелъ и Алимпій наняли собственно для переговоровъ съ Амвросіемъ, а не вообще съ греческими безмѣстными архіереями, которыхъ хотѣли увлечь въ расколъ, и наняли собственно потому, что онъ, какъ природный славянинъ, могъ переводить Амвросію ихъ русскія рѣчи на славянской языкъ, будто бы знакомый Амвросію, а не на греческій или турецкій, на которыхъ только и говорилъ онъ. Сочинитель не хочетъ знать, что русскій и славянской языки имѣютъ столько сходнаго и родственнаго между собою, что знающему русскій языкъ не трудно понимать говорящаго на славянскомъ, то-есть церковно-славянскомъ, безъ помощи переводчика. Павелъ же зналъ по-славянски, безъ сомнѣнія, гораздо лучше Огняновича, а потому безъ всякаго посредства съ его стороны весьма удобно могъ бы объясняться съ Амвросіемъ на этомъ языкѣ, если бы послѣдній дѣйствительно «зналъ» его. Ясно, что Огняновичъ нанятъ былъ и постоянно находился при Амвросіи, не только во время переговоровъ въ Константинополь, но и въ Вѣнѣ и въ Бѣлой-Криницѣ, именно потому, что безъ его посредства невозможно было объясняться съ Амвросіемъ, и значить ни русской, ни славянской рѣчи онъ не понималъ. Видѣть же въ присутствіи переводчика «свидѣтельство», что Амвросій зналъ славянской языкъ — такая со стороны автора брошюрки наив-

ность, надъ которой посмѣются пожалуй и его довѣрчивые читатели-старообрядцы.

Другое «возраженіе» сочинитель брошюрки указываетъ въ приведенныхъ выше словахъ отца Онуфрія, что во время исповѣди Амвросій и Иеронимъ «затворились въ алтарѣ на нѣсколько минутъ, *уповательно*, посмотрѣли другъ на друга,—тѣмъ и кончилась исповѣдь».

Желая опровергнуть это «возраженіе», авторъ брошюрки сначала глумится надъ отцемъ Онуфріемъ и бранитъ его, а затѣмъ самъ же признаетъ сдержанность и осторожность его отзыва о исповѣди Амвросія:

«Удивительно проникательный наблюдатель оказывается этотъ Онуфрій! Стоялъ вмѣстѣ съ народомъ въ церкви, внѣ алтаря, и сквозь иконостасъ видѣлъ, что творится въ затворенномъ алтарѣ. Если бы онъ былъ одинъ въ церкви, то *по своей наглости и безстыдству*, онъ, быть можетъ, и подсмотрѣлъ бы какимъ нибудь образомъ. Но этого онъ не могъ сдѣлать, такъ какъ народу была полна церковь (Ист. Бѣлокр. іерар., стр. 481). Слѣдовательно не могъ видѣть и знать, какъ совершалась исповѣдь надъ митрополитомъ Амвросіемъ.

«Да Онуфрій и *не говоритъ положительно*, что онъ самъ видѣлъ или подлинно знаетъ, какъ совершалась исповѣдь надъ митрополитомъ Амвросіемъ. Онъ только предполагаетъ, что такъ могло быть, какъ онъ думаетъ. «Затворились они оба въ алтарѣ¹⁾»,—говоритъ онъ,—*уповательно* посмотрѣли другъ на друга,—тѣмъ и кончилась исповѣдь. Слово *уповательно* означаетъ *впрямь, кажется, должно быть, можетъ быть*. Если, повѣтому, проще высказать свидѣтельство Онуфрія, то оно будетъ гласить: затворились они оба въ алтарѣ, *впрямь*, посмотрѣли другъ на друга, — тѣмъ и кончилась исповѣдь. Но развѣ это свидѣтельство? Это просто *пустое, ни на чемъ неоснованное* предположеніе».

¹⁾ Здѣсь сочинитель брошюрки намѣренно опустилъ неудобныя для него слова: „на нѣсколько минутъ“.

Это, конечно, предположеніе, но вовсе не пустое и вполне основательное. Отец Онуфрій очень близко зналъ и Амвросія и Геронима,—зналъ, что они другъ съ другомъ не могли объясняться, такъ какъ одинъ вовсе не умѣлъ говорить по-русски или по-славянски, а другой кромѣ русскаго и славянскаго никакого еще языка не зналъ: отсюда само собою слѣдуетъ предположеніе, что, затворившись для исповѣди въ алтарѣ, притомъ на нѣсколько лишь минутъ, они только посмотрѣли другъ на друга.

А по поводу неприличной брани на отца Онуфрія мы напомнимъ автору брошюрки, что этотъ будто бы «наглый и безстыдный» человѣкъ, вскорѣ же по учрежденіи Бѣлокриницкой іерархіи (въ 1847 г.) произведенъ былъ по указанію самого Павла въ епископы и сдѣланъ намѣстникомъ митрополіи именно за свою честность и прямоту. И это былъ, дѣйствительно, человѣкъ безупречной честности, прямоты и здравомыслія, почему для насъ и имѣлъ значеніе его отзывъ объ исповѣди Амвросія. Сами старообрядцы, повторяю, очень цѣнили въ немъ эти качества. Но какъ только, вслѣдствіе этихъ именно качествъ своихъ, онъ оставилъ расколъ, убѣдившись въ незаконности австрійскаго священства, и сдѣлался сыномъ православной церкви, у тѣхъ же старообрядцевъ, представителемъ которыхъ на сей разъ выступаетъ авторъ брошюрки, сталъ негоднымъ человѣкомъ, «наглымъ и безстыднымъ». Такова справедливость нашихъ старообрядцевъ!

Притомъ же свои безпристрастныя, невыгодныя для раскола и для австрійской іерархіи сужденія, въ томъ самомъ родѣ, какъ и отзывъ объ исповѣди Амвросія, отецъ Онуфрій откровенно высказывалъ и тогда еще, когда самъ находился въ расколѣ и когда еще старообрядцы не считали его человѣкомъ «наглымъ и безстыднымъ», а напротивъ, слушали съ уваженіемъ и полнымъ довѣріемъ, какъ человѣка разумнаго и прямого. Объ этомъ свидѣтельствуетъ В. В. Борисовъ, видѣвшій его и сдружившійся съ нимъ

въ Бѣлой-Криницѣ, когда ѣздилъ туда за мѣромъ¹⁾. А если свидѣтельство В. В. Борисова, какъ свидѣтельство лица, тоже оставившаго расколъ, для сочинителя брошюрки с его читателей не убѣдительно, то вотъ подлинныя слова иамова отца Онуфрія, изъ документа собственноручно имъ писаннаго въ январѣ 1857 года, когда онъ былъ еще намѣстникомъ Бѣлокриницкой митрополіи. Ему пришлось отвѣчать на вопросы о разныхъ «недоумѣнныхъ» предметахъ, предложенные Конономъ, тогдашнимъ Новозыбковскимъ епископомъ старообрядцевъ, и въ одномъ изъ своихъ отвѣтовъ онъ коснулся обстоятельства, сходнаго съ исповѣдью Амвросія, именно совершеннаго надъ Амвросіемъ чинопрятія, чрезъ перемазаніе фальшивымъ мѣромъ. Отвѣчать приходилось о дьяконовцахъ, которые признаютъ законнымъ совершаемое въ великороссійской церкви таинство мѣропомазанія и осуждаютъ бѣлокриницкое общество за принятіе Амвросія вторымъ чиномъ, чрезъ новое мѣропомазаніе, или, какъ обыкновенно выражаются старообрядцы, чрезъ перемазаніе. Кононъ, зараженный безпоповщинскими понятіями лужковцевъ, къ согласію которыхъ принадлежалъ, и потому крайне возмущавшійся такими понятіями дьяконовцевъ о совершаемомъ въ православной церкви таинствѣ мѣропомазанія, спрашивалъ именно, какимъ чиномъ принимать ихъ, если кто изъ нихъ изъявитъ желаніе перейти въ австрійское согласіе,—и вотъ что отвѣчалъ намѣстникъ митрополіи епископъ Онуфрій своему собрату—епископу Конону:

«Дьяконовцы тоже по правиламъ третьимъ чиномъ принимаютъ входящихъ отъ Россійской церкви... И они нашимъ мѣромъ гнушаются за то, что въ теченіе двухъ столѣтій не токмо (не) осталась какая капля, но даже и самой стекляночки, въ которой мѣро было едва ли можно гдѣ вѣрно обрѣсти, но *только одно масло, переливаемое изъ посуды въ посуду*. Только про то знаетъ cadaго со-

¹⁾ См. „Поѣздки въ Бѣл. Кр.“ стр. 30.

вѣсть. Словомъ сказать, похвалиться нечѣмъ и нашимъ прежнимъ мѣромъ. Но скажемъ: за нужду закону премѣненіе бываетъ? Тоже и они говорятъ, что за нужду съ ихъ (православныхъ) мѣромъ попа принимаемъ, да по крайней мѣрѣ архіереями освященное мѣро, *а все же не масло, и то Богъ вѣсть какое*...¹⁾

И дѣлая такіе отзывы объ австрійскомъ расколѣ, отецъ Онуфрій, не являлся единственнымъ исключеніемъ въ ряду раскольническихъ епископовъ. Знаменитый между нами Аркадій Славскій, оставшійся и умершій въ расколѣ, потому совершенно безупречный и вполне авторитетный для автора брошюры свидѣтель, вотъ какъ разсуждалъ и объ австрійской старообрядческой «церкви» и особенно объ Амвросіи, на защиту котораго теперь выступили раскольническіе литераторы:

«Церковь наша *вся* на случайныхъ правилахъ, а вратъ не имать... Разсмотримъ *самый корень*,—Амвросіа: не вратами, но тѣснотою, съ нуждою великою! Я однажды отцу Павлу написалъ о Амвросіи пунктовъ до четырнадцати: онъ далъ отвѣтъ. Я паки возразилъ: не о томъ вопрошаю, но не погрѣшилъ ли о вѣрѣ Амвросій (а что именно?— *не подобаетъ моголати!*)? И такъ *отецъ Павелъ не доказалъ*»²⁾.

Если столь авторитетный для старообрядцевъ австрійскаго согласія человекъ, какъ славскій Аркадій, прямо говорилъ, что Амвросій вошелъ въ ихъ общество не вратами, принять съ явнымъ нарушеніемъ правилъ, что нарушенія касались даже самой вѣры, и были такъ важны, что о нихъ и говорить было неудобно, и что вообще «церковь» ихъ *вся* держится на случайныхъ, а не на «обдержныхъ», не на твердыхъ и неизмѣнныхъ, правилахъ, то совсѣмъ напрасно сочинитель брошюры возмущается такимъ простымъ и естественнымъ предположе-

¹⁾ Подлинная рукоп. въ *Бѣлокр. архивѣ*.

²⁾ *Церетиска раск. дѣят.* вып. II, стр. 109.

ніемъ отца Онуфрія, что Амвросій во время исповѣди, по незнанію русскаго или славянскаго языка, не могъ имѣть никакихъ объясненій съ Іеронимомъ, какъ напрасно и вообще силится опровергнуть ясныя свидѣтельства о томъ, что Амвросій ни русскаго, ни славянскаго языка не зналъ и объясняться на нихъ не могъ.

IV.

Почему же однако авторъ брошюры такъ усидивался доказать, что будто бы Амвросій зналъ славянскій и русскій языкъ, а потому на исповѣди могъ будто бы объясняться съ Іеронимомъ?

Это требовалось, какъ объясняетъ самъ онъ, для обличенія и посрамленія миссіонеровъ, къ которымъ, надобно замѣтить, нынѣшніе раскольническіе литераторы и ихъ пособники не изъ старообрядцевъ относятся вообще съ крайней неприязненностью. Вотъ что говоритъ сочинитель брошюры:

«Миссіонеры, вслѣдъ за Субботинимъ, чуть не на каждой публичной бесѣдѣ, гдѣ только рѣчь заходитъ о митрополитѣ Амвросіи, или старообрядческой іерархіи *выкрикиваютъ на разные лады*, что исповѣдь надъ митрополитомъ Амвросіемъ не состоялась.

«Миссіонеры этому обвиненію, какъ видно, придаютъ чрезвычайное значеніе, стараясь имъ доказать, якобы незаконность и самозванность старообрядческой іерархіи».

Обо мнѣ упоминается здѣсь совсѣмъ напрасно. На странную исповѣдь Амвросія предъ Іеронимомъ я указалъ въ «Исторіи Бѣлокриницкой іерархіи» только мимоходомъ, какъ на одинъ изъ тѣхъ многочисленныхъ обмановъ и подлоговъ, какъ на одну изъ тѣхъ хитростей и недобросовѣстныхъ продѣлокъ, которыми сопровождалось уловленіе и принятіе Амвросія въ расколъ, къ которымъ инокъ Павелъ сознательно прибѣгалъ тогда, прикрываясь упованіемъ на судьбы Божіи и руководясь своимъ по-

стояннымъ правиломъ, что цѣль оправдываетъ всякія средства; что по нуждѣ и закону примѣненіе бываетъ, но которыхъ и тогда не одобрили добросовѣстные лица изъ самихъ старообрядцевъ, какъ отецъ Онуфрій, или же такіе строгіе ревнители правилъ, какъ Аркадій Славскій. Значенія же странной, фальшивой исповѣди Амвросія въ смыслѣ доказательства незаконности происшедшей отъ него іерархіи я и не думалъ усвоить. Поэтому совсѣмъ несправедливо сочинитель брошюры говоритъ, будто миссіонеры, дѣлая это, то есть усвоив такое значеніе Амвросіевой исповѣди, идутъ «вслѣдъ» за мною.

Но этого, полагаю, не дѣлаютъ и миссіонеры, особенно же не «выкрикиваютъ на разные лады» вездѣ, «гдѣ только заходитъ рѣчь объ Амвросіи, что исповѣдь надъ (?) нимъ не состоялась».

Для самихъ старообрядцевъ, несомнѣнно, имѣетъ важность вопросъ, дѣйствительно ли «состоялась» исповѣдь Амвросія предъ Іеронимомъ, то есть была ли совершена правильнымъ, какъ положено въ ихъ Потребникѣ, порядкомъ, особенно прочелъ ли Амвросій на исповѣди символъ вѣры съ именемъ *Исусъ*, съ приложеніемъ *истиннаго* въ осьмомъ членѣ, *нѣсть*, вмѣсто *не будетъ* конца, въ седьмомъ, — покаялся ли и получилъ ли отъ духовнаго отца прощеніе и разрѣшеніе не только въ нравственныхъ прегрѣшеніяхъ, но, самое главное, въ содержаніи тѣхъ мнимыхъ ересей, за которыя расколъ отдѣляется отъ православной церкви. Если нѣтъ (какъ этого и не могло быть на самомъ дѣлѣ), то значить Іеронимъ солгалъ передъ народомъ, присутствовавшимъ въ церкви, «объявивъ достоинство митрополита»¹⁾, то есть объявляя, что по вѣрѣ

¹⁾ Въ Павловомъ „Дѣяніи“ именно сказано: „Окончивши должнымъ порядкомъ пріятіе (Амвросія), священникъ отверзъ царскія двери и вшедши на амвонъ; возгласилъ къ народу пристойное поздравленіе, объявляя достоинство митрополита“ (Матер. для ист. Бѣлокр. іер. стр. 180).

и по жизни онъ достоинъ быть липованскимъ митрополитомъ; значить Амвросій сдѣлался митрополитомъ старообрядцевъ и основалъ имъ іерархію, не раскаявшись предъ духовнымъ отцемъ и не получивъ отъ духовнаго отца разрѣшенія и прощенія въ тѣхъ мнимыхъ ересяхъ, за которыя именно всѣхъ православныхъ архіереевъ, и его самого въ томъ числѣ, не признаютъ они за дѣйствительныхъ архіереевъ, имущихъ благодать архіерейства и власть поставлять другихъ въ священныя саны; значить, какъ оставшіяся при этихъ мнимыхъ ересяхъ и неразрѣшенный отъ нихъ на духу, Амвросій не могъ поставять для нихъ епископовъ, основать имъ іерархію: значить, іерархію, имъ основанную, сами старообрядцы должны признать незаконною, безблагодатною, недѣйственною. Правда, въ чинопріятіи, Амвросій по написанной для него греческими литерами тетрадѣ проклиналъ славянскимъ языкомъ «всѣ ереси», въ томъ числѣ и мнимыя греко-россійской церкви; но дѣлая это, самъ остался не очищеннымъ отъ нихъ на исповѣди предъ духовнымъ отцемъ, не получившимъ прощенія въ нихъ отъ духовнаго отца. Вотъ почему для самихъ старообрядцевъ имѣетъ существенную важность вопросъ о исповѣди Амвросія, дѣйствительно ли и правильно ли по ихъ уставу она была совершена: признавъ недѣйствительною, неправильною исповѣдь Амвросія, они должны признать неправильнымъ, незаконнымъ, недѣйствительнымъ и происшедшее отъ него священство.

Если въ такомъ смыслѣ миссіонеры, на бесѣдахъ со старообрядцами, ведутъ рѣчь объ исповѣди Амвросія, то, разумѣется, они ставятъ защитниковъ австрійскаго раскола въ большое затрудненіе и причиняютъ имъ не малую досаду. Понятно отсюда, почему авторъ брошюры такъ усердно, хотя и безуспѣшно, старается доказать, что Амвросій будто бы зналъ русскій и славянскій языкъ, то есть могъ на исповѣди объясняться съ Іеронимомъ, а потому и исповѣдь его была будто бы дѣйствительною, происходила какъ

слѣдуетъ по старопечатному Потребнику. И это ему нужно было не столько для того, чтобы дать отвѣдъ миссіонерамъ, сколько для того, чтобы успокоить самихъ старообрядцевъ австрійскаго согласія, смущаемыхъ достовѣрными извѣстіями о исповѣди Амвросія.

Но съ нашей, *православной*, точки зрѣнія, вопросъ о исповѣди Амвросія, какъ она происходила, *самъ по себѣ* не имѣетъ въ сущности никакого значенія. Если бы даже Амвросій и Иеронимъ понимали другъ друга, если бы Амвросій исполнилъ исповѣдь предъ этимъ послѣднимъ во всей точности по старопечатному Потребнику, и тогда его исповѣдь, какъ принесенная предъ бѣглымъ раскольниковымъ попомъ, не имѣвшимъ власти на совершеніе священнодѣйствій, не имѣла бы силы и значенія таинства, точно такъ же, какъ и совершенное имъ перемазаніе Амвросія фальшивымъ мѣромъ, то есть простымъ масломъ (въ чемъ такъ откровенно сознавался отецъ Онуфрій), не было таинствомъ мѣропомазанія. То и другое дѣйствіе, — и исповѣдь и перемазаніе Амвросія, — совершенно независимо отъ того, *какъ они совершены*, имѣютъ для насъ важность и значеніе въ томъ только смыслѣ, что, подчинившись имъ, Амвросій чрезъ это именно отступилъ отъ общенія съ православною церковію и вступилъ въ соединеніе съ обществомъ, канонически отлученнымъ отъ церкви, за что и самъ по силѣ церковныхъ каноновъ, и во-первыхъ 10-го апостольскаго правила, подпалъ подъ отлученіе, лишился права на совершеніе архіерейскихъ дѣйствій, и потому совершенныя имъ въ расколѣ поставленія нѣсколькихъ лицъ въ священные санъ совершены незаконно и вся происшедшая отъ него іерархія — незаконная, недѣйствительная, безблагодатная. Въ этомъ вся сущность дѣла, и это прежде всего, конечно, поставляютъ на видъ миссіонеры, доказывая незаконность происшедшей отъ Амвросія австрійской іерархіи старообрядцевъ. «Выкрикивать на разные лады, что исповѣдь надъ Амвросіемъ не состоялась», имъ нѣтъ особенной надобности; а если

иногда начинаютъ они говорить объ этомъ, то лишь для того, чтобы показать, что и сами старообрядцы, съ своей точки зрѣнія, должны признать начавшуюся отъ Амвросія іерархію незаконною и неправильною, такъ какъ совершенное въ Бѣлой-Криницѣ принятіе Амвросія въ старообрядчество сами же не могутъ признать правильнымъ и законнымъ.

V.

Книжка «О исповѣди Амвросія» не единственная въ этомъ родѣ у нынѣшнихъ раскольниковъ австрійскаго согласія. Вопросомъ объ Амвросіи они занимаются съ нѣкотораго времени особенно усердно, и это по всей вѣроятности имѣетъ связь съ ихъ стараніями добиться у патріарха Константинопольскаго признанія законности учрежденной Амвросіемъ ихъ іерархіи.

Сношенія съ Константинополемъ по этому дѣлу начались давно; но въ недавнее время сдѣлались особенно настойчивы, и старообрядцы не скрывали уже, что надѣются достигнуть полнаго успѣха своихъ исканій, полагаясь на ловкихъ ходатаевъ предъ патріархіей изъ числа русскихъ грекофиловъ, на разсѣваемые ими толки о обидахъ, нанесенныхъ будто бы греческой церкви русскою въ Болгарскомъ вопросѣ, особенно же на силу злата, въ изобиліи расточаемаго ими тамъ, гдѣ нужно. При патріархіи дѣйствительно учреждена была коммиссія изъ нѣсколькихъ архіереевъ для разслѣдованія и рѣшенія вопроса объ Амвросіи и основанной имъ старообрядческой іерархіи; даже ходили слухи, что она расположена рѣшить дѣло въ пользу старообрядцевъ.

Трудно было вѣрить этимъ слухамъ. Правда, единовѣрные намъ греки совсѣмъ незнакомы съ русскимъ расколомъ, — ихъ духовныя власти едва ли знаютъ даже, что раскольники осуждены, отлучены отъ церкви и предавы клятвѣ соборомъ 1667 года, на которомъ предсѣдательствовали именно греческіе два патріарха и присутство-

вали многие изъ греческихъ архіереевъ, что, признавши раскольническую іерархію законною, они станутъ поэтому въ противорѣчіе съ опредѣленіями собора своихъ собственныхъ патріарховъ и архіереевъ. При такомъ незнаніи раскола и при желаніи сдѣлать угодное старообрядцамъ, они могли бы конечно признать законность іерархіи, начатой митрополитомъ-грекомъ; но они знаютъ хорошо и не могутъ не принять во вниманіе, что этимъ признаніемъ греческая церковь поставитъ себя въ явное несогласіе съ церковію російскою, и притомъ по вопросу, касающемуся ея ближайшимъ образомъ. На такой шагъ, конечно, не можетъ рѣшиться Константинопольскій патріархъ: поэтому и нельзя было ожидать, чтобы хлопоты раскольниковъ въ Константинополь о признаніи ихъ іерархіи законною кончились успѣхомъ. И теперь сдѣлалось извѣстнымъ, что они дѣйствительно кончились неудачей для раскольниковъ, — вопросъ объ Амвросіи и учрежденной имъ іерархіи рѣшенъ не согласно ихъ желанію. Къ этому рѣшенію грековъ расположило впрочемъ не одно опасеніе разрыва съ русскою церковію, но еще и заботливость о сохраненіи достоинства самой греческой церкви, которое было бы весьма сильно поколеблено такимъ, не имѣющимъ оправданія, потворствомъ расколу.

Разсказываютъ, что раскольническимъ ходатаямъ предложень былъ отъ греческихъ духовныхъ властей вопросъ: если іерархія старообрядческая будетъ признана законною, то въ какихъ отношеніяхъ она и сами старообрядцы будутъ находиться къ греческой церкви, у которой искали этого признанія, — будутъ ли состоять въ подчиненіи ей, или по крайней мѣрѣ въ общеніи съ ней? На этотъ прямо поставленный вопросъ представители старообрядцевъ, разумѣется, не могли дать утвердительнаго отвѣта, — пришлось по необходимости объяснить, что общенія съ греческою, равно какъ и съ русскою, церковію старообрядцы не могутъ имѣть, пока она не оставитъ своихъ новшествъ — троеперстія, трегубой аллилуіи и проч. Назвать

эти «новшества» ересями, да еще принадлежащими еретикамъ второго чина (какъ признають дѣйствительно), они, по всей вѣроятности, не рѣшились предъ греческими архіереями, какъ не рѣшились, конечно, объяснить имъ и того, что грека—Амвросія приняли отъ ереси по второму чину; но и того, что сказали, было достаточно, чтобы греки поняли, съ кѣмъ имѣють дѣло, и свойственная имъ, достойная всякой похвалы, преданность православію и заботливость объ охраненіи достоинства православной церкви подсказали имъ, что съ этими ходатаями за такъ называемое російское старообрядчество нужно прекратить всякія сношенія. Теперь, надобно полагать, надеждамъ раскольниковъ на полученіе отъ греческой церкви признанія ихъ австрійской іерархіи законною и правильною навсегда положень конецъ.

Отъ Московскаго Духовно-Цензурнаго Комитета печатать дозволяется.
Москва. Юня 9 дни 1901 года.

Цензоръ *Протоіерей Іоаннъ Петропавловскій.*